

„КРОВЬ СОБЫТИЙ...“

ПИСЬМА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

На все, что написано, на все, что сделано человеком великим, ложится отблеск его величия — на любые, пусть даже обыденные, фразу, поступок, случайно сделанную запись. Что это? Наше слепое преклонение перед гигантом или нечто большее — постоянное наше сознание того, что здесь, когда мы имеем дело с гением, важно все — всякая мелочь, всякий штрих? Когда же речь идет о познании творений и жизни писателя, пожалуй, главным для процесса этого познания являются (конечно, после самих творений) его письма. Именно они, а не мемуары современников, среди которых бывают и тексты припомаженные, полные недосказанностей, а порой и прямой лжи, именно письма помогают нам заглянуть в сокровенное. Письма интимны, они пишутся чаще всего для одного человека, в них меньше подтасовывают, меньше приукрашивают себя и окружающее. На них, по словам Герцена, «запеклась кровь событий».

Письма Достоевского. Их не так уж и много, гораздо меньше, чем у других великих русских писателей. Они совсем иные, чем искрящиеся остроумием, злой иронией, умом разностильные письма Пушкина. Они не похожи и на письма Чехова, полные мудрости и тоски. В них нет литературной отделанности писем Тургенева. В письмах Достоевского, этого природного писателя, литератора до мозга костей, профессионала из профессионалов, очень редки рассуждения о литературе, точнее — теоретизирования на эту тему. Он почти не писал писем «просто так» — чтобы «поговорить», поделиться мыслями или из вежливости. Большинство писем — особенно после каторги — посвящено каким-то конкретным делам. Это письма, посланные из необходимости, потому что не послать было нельзя, невозможно. Исключение, пожалуй, составляют некоторые письма женщинам. В принципе, он не любил писать писем и не однажды признавался в этом. «Я не умею написать письма и боюсь писать», — читаем мы, например, в письме к писательнице А. А. Ожиговой от 28 февраля 1878 года.

Письма Достоевского. Чего только не происходило с ними! Десятки, а может, и сотни их просто-напросто не дошли до нас, они утеряны. Исследователь Л. Р. Ланский даже посвятил этому специальную статью, он так и озаглавил ее: «Утерянные письма Достоевского».

Письма Достоевского. Их арестовывали и хоронили в секретных политических архивах, их сжигали осторожные друзья и знакомые, боясь скомпрометировать себя связью с государственным преступником, с каторжником. Их тайно, с казней неделями везли из Сибири в столицы, их перлюстрировали жандармские чиновники. Прошло много лет, и письма начали издаваться, их издавали, искажая при этом купюрами, сделанными с разными, по отнюдь не литературными целями. Кто-то из издателей боялся или стеснялся высказанных в них мыслей. Кто-то опять же не желал быть скомпрометированным. Был даже случай (о нем особо), когда «автором» купюр двигала эле-

ментарная ревность — чувство, как известно, весьма сильное.

Впервые истинно научная публикация писем Достоевского была осуществлена в советское время. Это известный четырехтомник, выпущенный под редакцией А. С. Долинина и с его же блестящими комментариями. Сам Долинин называл работу над четырехтомником в большой степени коллективной, в предисловии к первому тому выражал благодарность за помощь многим лицам и организациям. Конечно, Аркадий Семенович все же недаром теперь этот четырехтомник называют его, Долинина, исследовательским подлинником.

Вот даты и цифры. Первый том вышел в 1928 году. Четвертый — в... 1959-м! Тридцать один год потребовался Долинину для того, чтобы выпустить четыре не такие уж и объемистые книги, довести до читателя эпистолярное наследие классика русской литературы. Кстати сказать, временное расстояние между третьим и четвертым томами (1934 — 1959 гг.) — 25 лет. Сколько стоит за этими годами!

Несколько цифр, характеризующих тщательность, с которой Долинин вел поиски писем в архивах, в частных коллекциях, на страницах редких, полузабытых изданий. В четырехтомнике — 934 письма. С момента же выхода в свет последнего тома было опубликовано лишь 13 новонайденных писем, причем 7 из них нашли за рубежом (данные 1973 года).

То, какие трудности приходилось преодолевать Долинину и его помощникам, видно из первых же страниц 1-го тома. Видно, он, этот том, не смог бы выйти в свет без короткого vulgarно - социологического предисловия, предисловия, так сказать, «сверхштатного», т. е. после него идет действительно необходимое обширное «Предисловие редактора», т. е. самого Долинина. Автор первого предисловия пишет, что это издание может вызвать возражения:

«Возражения первого рода могут относиться к самой необходимости или даже возмож-

ности распространения Достоевского среди писателей Советской страны в период культурной революции и смелосточенной борьбы с мистицизмом, упадничеством и т. д.»

Хоть и странно сегодня читать эти строки, но, по крайней мере, понять их можно — такое было время. А вот дальше в предисловии говорится:

«Совершенно иного рода сомнения может вызвать публикация именно писем Достоевского. Многие представители различных точек зрения в литературоведении отрицают необходимость изучения биографии художника...»

Комментарии тут излишни. Где они теперь, эти «многие представители»?

Письма полагаются печатать в строгом хронологическом порядке, это закон. Но почему-то Центральные архивы, где хранилось 25 писем Достоевского, потребовали от Долинина напечатать их «на особицу» — «автономо» в конце второго тома с вступительной (опять же «сверхштатной») статьей П. Н. Сакулина. Совершенно справедливо литературовед Н. С. Зильберштейн называет сегодня это требование бессмысленным. О том, каких усилий стоило Долинину издать этот четырехтомник, говорит то, что издавался от трех (!) издателей: первые два тома в ГИЗе, третий в «Academia», четвертый в Гослитиздате, причем издательство «Academia» во введении к выпущенному им третьему тому сочло необходимым выразить несогласие с Долининым как с редактором первых двух томов. В этом введении Долинина «журят» за то, что он «далеко не достаточно подчеркивает всю глубину и неподвижность основы определяющих реакционных элементов мировоззрения Достоевского после возвращения его с каторги». «Преодолевать Достоевского» — вот какую задачу ставили перед собой издатели — «академики». Преодолеть — ни больше ни меньше!

Видно, не что иное, как давление со стороны таких подвижников «преодоления», заставляло Долинина допустить в последнем, четвертом, томе писем редакторский произвол. Он сократил некоторые абзацы и целые страницы писем Достоевского. Эти пропуски скрывают некоторые неприемлемые для нас взгляды писателя, т. е. «причесывают» его необыкновенно сложный образ.

А вот препятствие, которое

Долинину и его помощнице — сотруднице Пушкинского дома Е. Б. Покровской, специалисту по расшифровке малоразборчивых текстов, так и не удалось преодолеть до конца. В примечаниях к письмам Достоевского 1856 года (главным образом адресованных Врангелю) то и дело говорится: «Читаем приблизительно», «Фраза не закончена: вырваны 2 страницы», «Не разобрана целая строка», «Далее несколько слов густо зачеркнуто. Очевидно, не Достоевским», «Далее несколько слов залито чернилами»...

Много добрых и восторженных слов сказано в адрес второй жены писателя Анны Григорьевны Достоевской. И это совершенно справедливо. Мы бесконечно благодарны этой замечательной женщине, всецело посвятившей себя своему великому мужу, глубоко чувствовавшей и пошмавшей его величие. Она, двадцатилетняя девушка, принесла в дом сорокалетнего Достоевского семейное счастье. Она спасла его от кабалы издателя-хищника Стелловского и до самой смерти Федора Михайловича была не только любящей женой, но и талантливым, энергичным помощником-корректором, стенографисткой. Ей посвящены «Братья Карамазовы». Это ей сказал Лев Толстой: «Многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского». Оставшись вдовой в 35 лет, Анна Григорьевна больше не вышла замуж, всю себя посвятила памяти мужа. Семь раз издавала собрание его сочинений, составила уникальную библиографию, написала интереснейшие «Воспоминания»... Тысячу раз спасибо ей за все это! (Разве не акт благодарности — исполнение последнего желания Анны Григорьевны — недавнее перенесение ее праха из Ялты в Ленинград, в Александровскую лавру, в могилу мужа.) Но...

Но это ее работа — вырванные и залитые чернилами страницы писем 1856 года, их густо зачеркнутые отдельные строки и слова. В том году мучительно развивался роман рядового Семипалатинского линейного батальона, вчерашнего каторжника с женой мелкого чиновника Исасва Марией Дмитриевной, которая в скором времени после смерти жены Достоевского. В тот год он часто и подробно писал о своей любви, о всевозможных бытовых и материальных невзгодах, встающих на ее пути, своему другу — бывшему семипалатинскому прокурору Александру Врангелю. Не что иное, как ревность в своей покойной предшественнице, двигала рукой Анны Григорьевны, заставляла ее при подготовке первого посмертного собрания сочинений мужа не только «редактировать» (т. е. делать купюры) его письма, но и стремиться навсегда скрыть от потомков часть их содержания. Удивительная по силе ревность — ревность в треугольнике, двое из которого уже мертвы!

Может быть, сейчас, когда готовится тома писем тридцатитомного полного академического собрания сочинений,

можно применить достижения новейшей техники для прочтения зачеркнутых драгоценных строк и слов!

Письма Достоевского. Как много в них поразительного! Вот он, восемнадцатилетний юноша, пишет брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и если будешь разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время, я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Разве не воспринимаются эти слова пророческими теперь, когда мы знаем, что действительно всю свою жизнь он следовал этой программе — разгадывал тайну человеческой души, заглядывая в такие ее глубины, в какие до него никто не мог, не смел заглядывать.

Вот он, только что ушедший в отставку из военных инженеров, ставший профессиональным литератором (а по мнению родственников, бездельником) и разругавшийся с ними, пишет гому же брату, с которым всегда оставался близок: «А что я ни сделал из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считал благородным этот риск, этот неблагоприятный риск перемены состояния, риск целой жизни — шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь? А если не ошибаюсь?»

Итак, бог с ними! Пусть говорят, что хотят, пусть пождут. Я пойду по трудной дороге!..

Какая мужественная уверенность в себе, и какая опять же прозорливость! А ведь тогда ему было всего 23, и он не напечатал еще ни строчки. Ни единой строчки!

А чего стоит знаменитое письмо из Висбадена редактору «Русского вестника» Каткову, когда Достоевский, полуголодный и без копейки в кармане, просит у Каткова 300 рублей вперед и подробнейшим образом излагает замысел одной из своих вершин — романа «Преступление и наказание»...

Совершенно недавно впервые опубликовано его предсмертное письмо. И опять перед нами пример необычайного мужества. Слабый от потери крови, он уже не мог писать сам и продиктовал адресованное ему знакомой Е. Н. Гейден. Причем говорил он о самом себе в третьем лице, видимо, желая придать тексту более спокойный тон, что вряд ли удалось бы сделать Анне Григорьевне, пиши она это письмо сама:

«26-го числа в легких лопнула артерия и залила, наконец, легкие. После 1-го приступа последовал другой, уже вечером, с чрезвычайной потерей крови с задыханием. С 1/4 (часа) Федор Михайлович был в полном убеждении, что умрет; его исповедали и причастили. Мало-помалу дыхание поправились, кровь утихла. Но так как порванная жила не зажила, то кровоотечение может начаться опять. И тогда, конечно, вероятно смерть. Теперь же он в полной памяти и в силах, но боится, что опять лопнет артерия».

Анна Григорьевна не успела отправить этого письма, не успела даже перевести его со своего стенографического языка на обыкновенный. Через два часа она стала вдовой.

Это было ровно сто лет назад.

Александр ЛЕЙФЕР, заведующий литературным отделом Омского ГОИЛ музея.

